

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ
НАРУШЕНИЯ ПОСТУЛАТОВ ОБЩЕНИЯ

А.В. Логинов

Аннотация. В статье рассматривается проблема нарушения вопросительным предложением постулатов общения. Любая ситуация общения, смоделированная или произвольная, подчинена своду правил, и коммуникативные партнеры должны учитывать их. Нарушение хотя бы одного правила приводит к невозможности построения успешного коммуникативного пространства. Степень владения речевым жанром, понимание и принятие его норм «выдают» статус субъекта. Речевые жанры формируются на основе индивидуального опыта общения носителей языка и представляют собой макросмысл как синтез микросмыслов общения. Вопросительное предложение служит не только для выражения запроса информации, но и для реализации других возможностей. Тенденция его использования в качестве средства, нарушающего постулаты общения, определяется конкретной коммуникативной ситуацией. Она учитывает прагматические составляющие речевого акта и языковые возможности адресанта и обусловлена стратификацией общества, что находит отражение в желании передать дифференцированные отношения с помощью языковых форм, обозначив в этих формах нюансы, которые кажутся важными для данного коммуникативного акта, и выразить определенными элементами языка отношение к личности адресата.

Ключевые слова: вопросительное предложение, коммуникативная ситуация, речевой жанр, постулаты общения, адресант, адресат.

Для цитирования: Логинов А.В. Вопросительное предложение как способ нарушения постулатов общения // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 424–431. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-424-431

424

AN INTERROGATIVE SENTENCE AS A WAY OF VIOLATING
THE POSTULATES OF COMMUNICATION

A.V. Loginov

Abstract. The article deals with the issue of violating the postulates of communication by the interrogative sentence. Any communication situation, whether modeled or arbitrary, is subject to a set of rules, and communication partners have to consider them. Violation of at least one rule leads to the impossibility of building a successful communicative space. The degree of mastering a speech genre, understanding and acceptance of its norms “gives away” the status of the subject. Speech genres are formed on the basis of individual communication experience of native speakers and represent the macro-meaning as a synthesis of communication micro-meanings. The

© Логинов А.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

interrogative sentence serves not only to express the request for information, but also to implement other possibilities. The tendency of using it as a means of violating the postulates of communication is determined by the specific communicative situation. It takes into account the pragmatic components of the speech act and the linguistic capabilities of the addressee and is conditioned by the stratification of society, which is reflected in the desire to convey differentiated relations by means of language forms, denoting in these forms the nuances that seem important for this communicative act, and express by certain elements of language the attitude to the addressee's personality.

Keywords: *interrogative sentence, communicative situation, speech genre, communication postulates, sender, addressee.*

Cite as: Loginov A.V. An Interrogative Sentence as a Way of Violating the Postulates of Communication. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2021, No. 4, part 2, pp. 424–431. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-424-431

Внимание исследователей на протяжении последних десятилетий неизменно остается обращенным к проблемам, связанным с процессом коммуникации. Один только перечень работ, посвященный этому, будет претендовать на солидный лексикографический труд. Однако вновь и вновь возникает необходимость уточнения некоторых спорных или не до конца рассмотренных аспектов в русле коммуникативистики. Среди исследований последнего времени отметим работы [1–7], направленные в том числе на изучение диалогического пространства. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть роль вопросительных предложений с точки зрения нарушения ими общепринятых законов общения.

Структура речи, если представить ее в виде некоего коммуникативного поля, принципиально антонимична, и антонимичность эта обусловлена не столько собственно языковыми факторами, сколько экстралингвистическими, социальными. К таким факторам, с одной стороны, можно отнести ясно осознаваемую антагонистичность ролей адресанта, адресата и какого-то третьего лица, располагающегося за пределами коммуникативного акта (на наш взгляд, «вклад» третьего несправедливо в лучшем случае преуменьшается или вообще игнорируется).

С другой стороны, современный социум определяется разнополярными характеристиками: градацией отношений с коммуникативными партнерами и «обезличиванием» личности (отказом в индивидуальности). Градация, обусловленная стратификацией общества, отражается в стремлении передать дифференциацию выверенным набором языковых средств (в некоторых случаях, однако, неосознаваемым полностью), продемонстрировав в нем те нюансы, которые кажутся отправителю важными в конкретной коммуникативной ситуации, а также выразить отношение адресанта к личности адресата. В этом случае могут использоваться, например, разные синтаксические конструкции или формы обращения, «отягощенные» жесто-мимическими средствами.

Успешность коммуникативного контакта определяется тем, что, во-первых, предполагается понимание адресатом коммуникативной цели адресанта, и, во-вторых, адресант надеется, что адресат осуществит «предписанное» целью высказывания, выполнит что-то, что можно считать оправданием или объяснением неосуществления цели адресатом, если таковое происходит.

Реплика подчас содержит не столько информацию, сколько понимание говорящим компонента знания. И цель адресанта

состоит в том, чтобы «адекватно задачам общения строить свое воздействие на собеседника и в соответствии с этим, т. е. уместно, употреблять речевые высказывания» [8, с. 15]. Умение/неумение соответствовать этим задачам определяет степень коммуникативной способности/неспособности воздействующего.

Наряду с этим растет стремление к ориентации индивидуальности личности, к выработке стандарта, набора признаков, применимых к подавляющему большинству объектов воздействия. По этому поводу известный и любимый актер Р. Быков говорил: «Я как конкретный человек, с именем и фамилией, все больше и больше чувствую себя поставленным «за скобки». Наиболее значительную часть суток я не имею ни имени, ни фамилии, ни своих склонностей, ни своего лица. Я — все что угодно, только не конкретный человек, я существую как понятие, не больше...» [9, с. 97].

Коммуникативная прагматика опирается на законы, которые называются жанровыми. Обладая определенной степенью вариативности, они тем не менее объективно регулируют успешность общения. И если говорящий пренебрегает ими, то о реализации коммуникативных установок не может идти речи. Как отмечает М.М. Бахтин, «некоторые люди, великолепно владеющие языком, чувствуют себя беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер» [10, с. 273].

Любая ситуация общения, смоделированная или произвольная, подчинена своду правил, и коммуникативные партнеры должны учитывать их. Осознание этих правил привело к созданию Л. Витгенштейном игровой теории коммуникации, понимание сути которой основано на представлении, что любой коммуникативный отрезок есть языковая игра, некое

«целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он связан» [11, с. 82]. По мнению М.А. Кронгауз, игровая коммуникативная модель определяется тремя типами правил: 1) правил построения коммуникативных единиц; 2) правил связности игрового диалога; 3) правил стратегий, позволяющих участникам диалога-игры приближаться к достижению поставленной цели [12, с. 57]. Нарушение (осознанное или неосознанное) хотя бы одного правила приводит к невозможности построения успешного коммуникативного пространства.

Отсюда следует, что степень владения речевым жанром, понимание и принятие его норм «выдают» статус субъекта. Речевые жанры формируются на основе индивидуального (в том числе и статусного) опыта общения носителей языка и представляют собой макросмысл (макрожанр) как синтез микросмыслов (микрожанров, субжанров общения). Особенностью речевого жанра является одновременное проявление абстрактности и конкретности. И в этом, на наш взгляд, нет никакого противоречия. Речевой жанр конкретен по причине зависимости от личностных характеристик коммуницирующих (статус, возраст и т. п.). Речевой жанр абстрактен по причине зависимости поведения конкретных коммуникантов от выработанных социумом законов общения.

Законы общения — ясно осознаваемое явление. Их соблюдение (уважение) или несоблюдение (неуважение) практически всегда эксплицитно, осознанно и преднамеренно. Нарушая эти законы, коммуниканты осознают последствия в виде санкций — как речевых, так и неречевых: «Языковые санкции проявляются в затруднении понимания высказывания, в ослаблении его прагматического воздействия. Экстралингвистические санкции обнаруживаются в оценочных суждениях

относительно «неуместности» употребления тех или иных языковых средств в данной ситуации общения» [13, с. 32].

Можно утверждать, что нарушение законов общения — элемент языковой игры, цель которого сделать реализацию коммуникативной ситуации неполноценной или даже невозможной. Подобный случай иллюстрирует следующий текстовый фрагмент:

...в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный.

— Дядя, — весело кричал он, — дай десять копеек!

...Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал:

— Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и отстал (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, V).

В приведенном фрагменте нормы общения нарушены обеими сторонами. Но причины этих нарушений различные. Беспризорник не учитывает статусные различия свои и адресата, прежде всего, возрастные, что объясняется отсутствием общей культуры воспитания, влиянием среды, в которую «погружен» подросток, его характером. Показателем этого служит и обращение на «ты»: «Дядя, дай», и сам способ выражения этого обращения: «весело кричал». В этом случае складывается представление о непреднамеренном, неосознанном игнорировании постулатов общения: они просто-напросто не сформированы.

Иначе нарушены нормы Остапом Бендером: в высшей степени с полным осознанием этого нарушения и циничностью. Бендер, считающий, что его статус намного выше, не церемонится с беспризорником и дает понять в язвительной форме, что просьба неуместна, тем самым унижая

своего собеседника. Средством унижения служит встречное вопросительное по форме высказывание, значение которого сопоставимо с повествовательным восклицательным предложением негативной оценочной окраски. Однако это не означает, что вопросительная конструкция полностью потеряла свой интеррогативный смысл. Даже превратившись в повествовательное, оно тем не менее способствует изменению течения диалога. Цель этой реплики вполне очевидна: финансовое положение Бендера оставляет желать лучшего (можно сказать, катастрофическое), и, чтобы избежать конфуза, он задает встречный вопрос, предназначенный не для выяснения чего-то, а направленный на прекращение нежелательного для него разговора.

Из этого фрагмента диалога не совсем понятно, нарушены постулаты общения Бендером осознанно, т. е. он представляет механизм реализации или нереализации коммуникативного сопряжения, или это произошло неосознанно. Дальнейшее повествование показывает, что нарушены они осознанно, преднамеренно и оперативно. Не зря в качестве одной из личных номинаций Бендера авторы употребили сочетание «великий комбинатор».

Показателем вводный компонент реплик коммуникантов: весело кричал — тихо сказал. Уровень громкости реплики — тоже статусный показатель: тише говорить может себе позволить человек, стоящий на более высокой ступени социальной лестницы или считающий себя таковым. Но и в этом проявляется нарушение норм, в данном случае вежливости.

Введение вопросительного предложения в качестве средства, нарушающего постулаты общения, «обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией, учитывающей прагматические составляющие речевого акта и языковые возможности адресанта. В прагматической

вариативности инвариантом выступает синтаксическая модель или конструкция как формально-семантическое единство, а варьируется прагматическое значение в зависимости от контекстуальных условий. Одна и та же языковая структура может передавать различное коммуникативно-интенциональное содержание, которое определяется различием в наборе прагматических составляющих» [14, с. 292].

Е.Н. Линдстрем, говоря о вариантных смыслах интеррогатива, отмечает: «Употребляя вопросительные по форме высказывания для выражения неинтеррогативных значений, говорящий имеет возможность эффективно воздействовать на своего собеседника и быстрее достигать желаемого результата» [15, с. 17]. Вопросительное предложение, используемое в качестве ответа на вопрос партнера по коммуникации, сбивает последнего с нужного «ритма» и позволяет «перехватить» управление диалогом.

То, что интеррогатив допускает многочисленные и разнообразные нейтрализации, связано с его несомненно более сложной семантической организацией по сравнению с повествовательностью и побудительностью [14]. Каждый раз, продуцируя запрос информации, адресант сигнализирует о неполном владении важной или актуальной для него информацией. В этом проявляется повышенная субъективная окраска вопросительного предложения по сравнению с повествовательным.

Один из прагматических вариантов интеррогатива — выражение юмористического или сатирического отношения к действительности или партнеру по коммуникации. И это также является нарушением постулатов общения. Большая роль в этом принадлежит самой внеязыковой действительности, на фоне которой протекает диалог и на которую ориентируется каждый из участников этой ситуации.

Показателен в данном случае диалог поэта Ивана Бездомного и врача в психиатрической клинике (роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Построенный по образцу классического (вопрос — ответ), диалог не решает задачи, которая в нем поставлена: каждый из участников остается при своем мнении, а читателя забавляет ситуация непонимания, созданная в том числе и вопросительными предложениями (приведем лишь часть диалога):

– *Здравствуйте!*

– *Здорово, вредитель! — злобно и громко ответил Иван...*

– *Сколько вам лет?*

– *Подите вы все от меня к чертям, в самом деле! — грубо закричал Иван и отвернулся.*

– *Почему же вы сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное?*

– *Мне двадцать три года, — возбужденно заговорил Иван, — и я подам жалобу на вас всех...*

– *А на что же вы хотите пожаловаться?*

– *На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом! — в гневе ответил Иван...*

– *А почему вас, собственно, доставили к нам? — спросил врач, внимательно выслушав обличения Бездомного.*

– *Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!..*

– *Ага, — сказал врач, — почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?*

– *Консультанта я ловлю, — ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 6).*

Привлекает внимание и изменение вводных компонентов реплик Бездомного: из громких и злобных они становятся тревожными, тогда как подача реплик врача практически не комментируется, но, судя по результату, они в большинстве

своем доброжелательны, что способствует победе доктора в речевом поединке. И это также можно считать одним из приемов языковой игры.

Диалог в психиатрической больнице демонстрирует, что, будучи «втянутым» в коммуникативное пространство, объект воздействия подвергается «массированной атаке» (воздействию, давлению) на эмоциональную и рациональную составляющие его психики, на приобретенные знания и сформированное поведение.

Доктор как профессионал использует психическое и психологическое давление, добиваясь определенного результата: утверждает во мнении, что Бездомный болен.

Одной из причин, обуславливающих нарушение постулатов общения, является действительное или мнимое несоответствие статусов участников диалога. Типичным примером в этом случае служит отрывок из романа Ф.М. Достоевского:

Раскольников... остановился, огляделся и оборотился к молодому парню в красной рубашке, зевавшему у входа в мучной лабаз.

— *Это мещанин ведь торгует тут на углу, с бабой, с женой, а?*

— *Всякие торгуют, — отвечал парень, свысока обмеривая Раскольникова.*

— *Как его зовут?*

— *Как крестили, так и зовут.*

— *Уж и ты не зарайский ли? Которой губернии?*

Парень снова посмотрел на Раскольникова.

— *У нас, ваше сиятельство, не губерния, а уезд, а ездил-то брат, а я дома сидел, так и не знаю-с... Уж простите, ваше сиятельство, великодушно (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VI).*

Налицо конфликт статусных интересов. По мнению парня в красной рубашке, его статус выше, что подчеркивается как в авторских ремарках (*отвечал парень, свысока обмеривая*), так и в самой речи

(ехидно-ироническое обращение «*ваше сиятельство*»). Однако и Раскольников считает, что его статус выше, что определяется не прямо (я такой-то такой-то), а речевым поведением, в частности, попытками управлять разговором с помощью задаваемых вопросов. Такая позиция обоих «контактеров» (партнерами по коммуникации их назвать нельзя по нескольким причинам) приводит к тому, что Раскольникову не удается решить поставленную задачу, а парень поиздевался над своим оппонентом.

Неуспешность общения в следующем текстовом фрагменте определена другой причиной, а именно отнесенностью коммуникантов к разным социальным формациям и разным временным периодам:

— *Интересно, — сказал я (Карцев — А.Л.), — что за глупые правила. У вас что же, в Москореке вашем вообще ничего нельзя фотографировать?*

Таможенник недоуменно посмотрел на Смерчева и опять на меня.

— *Извините, не понял, — сказал он. — У нас в Москореке можно фотографировать что угодно, где угодно и кого угодно. Но только без пленки (В. Войнович. Москва, 2042).*

Коммуникативная ситуация внешне представлена как успешная: задан вопрос, на него дан ответ, соответствующий смыслу вопроса. Однако за внешней успешностью скрывается «провал» общения, ярко проявляющийся в ответной реплике. Именно парадоксальное сочетание вопроса и ответа, выраженное в оппозиции «*ничего нельзя фотографировать*» — «*можно фотографировать что угодно... без пленки*», и создает нереализованность коммуникативных задач. Читатель, сталкиваясь с этой ситуацией, еще не полностью понимает сути происходящего, и лишь затем, «окунувшись» в реалии Москорека, осознает истинное положение дел: абсурден в данном случае не ответ таможенника, а вопрос Карцева.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что вопросительное высказывание предназначено не только для успешной реализации коммуникативного задания («запрос информации»), но и осуществления его «неуспешности» с точки зрения одного из коммуникантов. Однако для второго коммуниканта это успех, так

как им такое развитие (точнее, неразвитие) ситуации было задумано, что может быть обусловлено причинами, выходящими за рамки обозначенной вербально ситуации. Но в любом случае эти интенции находят свое выражение в языковых единицах, к которым, в первую очередь, мы относим вопросительную конструкцию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладров, В.* Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: ЯСК, 2021. 470 с.
2. *Гойхман, О.Я.* Общественный и идентификационный статус коммуникативистики. М.: ИНФРА-М, 2021. 197 с.
3. *Кожухова, И.В.* Прагматика косвенных интеррогативов (на материале английского языка): учебное пособие. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2019. 94 с.
4. *Копылова, Т.Р.* Слово и молчание в русском коммуникативном поведении. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2020. 158 с.
5. *Котов, А.А.* Механизмы речевого воздействия. М.: РГГУ, 2021. 432 с.
6. *Путина, О.Н.* Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом вопрос — ответ: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021. 23 с.
7. *Стоун, Д.* Неудобные разговоры: как общаться на невыносимо трудные темы. М.: Эксмо, Бомбора, 2021. 381 с.
8. *Общение. Текст. Высказывание.* М.: Наука, 1989. 175 с.
9. *Быков, Р.* До и после чучела // Юность. 1985. № 9. С. 84–105.
10. *Бахтин, М.М.* Проблема речевых жанров: Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Рус. словари, 1996. 731 с.
11. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 79–129.
12. *Кронгауз, М.А.* Игровая модель диалога // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 55–60.
13. *Карпушина, Е.Е.* Грамматическая, прагматическая и интеракциональная вариативность вопросительных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.
14. *Логонов, А.В.* Категория интеррогативности в современном русском языке. Мичуринск, 2010. 350 с.
15. *Линдстрем, Е.Н.* Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 189 с.

REFERENCES

1. Gladrov, V. *Modeli rechevogo povedeniya v nemeckoj i russoj kommunikativnoj kulture* [Models of Speech Behavior in German and Russian Communicative Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2021, 470 p. (in Russ.)

2. Gohjman, O.Ya. *Obshchestvennyj i identifikacionnyj status kommunikativistiki* [Social and Identification Status of Communication Studies]. Moscow: INFRA-M, 2021, 197 p. (in Russ.)
3. Kozhuhova, I.V. *Pragmatika kosvennyh interrogativov (na materiale anglijskogo yazyka): uchebnoe posobie* [Pragmatics of Indirect Interrogatives (Based on the Material of the English Language): A Textbook]. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 94 p. (in Russ.)
4. Kopylova, T.R. *Slovo i molchanie v russkom kommunikativnom povedenii* [Word and Silence in Russian Communicative Behavior]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2020, 158 p. (in Russ.)
5. Kotov, A.A. *Mekhanizmy rechevogo vozdejstviya* [Mechanisms of Speech Influence]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2021, 432 p. (in Russ.)
6. Putina, O.N. *Funkcionirovanie diskursivnyh markerov v dialogicheskom vopros — otvet: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov* [Functioning of Discursive Markers in Dialogical Question — Answer: Based on the Material of the Russian and English Languages]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Perm, 2021, 23 p. (in Russ.)
7. Stoun, D. *Neudobnye razgovory: kak obshchatsya na nevyynosimo trudnye teme* [Uncomfortable Conversations: How to Communicate on Unbearably Difficult Topics]. Moscow: Eksmo, Bombora, 2021, 381 p. (in Russ.)
8. *Obshchenie. Tekst. Vyskazyvanie* [Communication. Text. Utterance]. Moscow: Nauka, 1989, 175 p. (in Russ.)
9. Bykov, R. Do i posle chuchela [Before and after the Scarecrow], *Yunost* = Youth, 1985, No. 9, pp. 84–105. (in Russ.)
10. Bahtin, M.M. *Problema rechevyh zhanrov: Sobr. soch. v 7 t. T. 5* [The Problem of Speech Genres: Collected Works in 7 Volumes, vol. 5]. Moscow: Russkie slovari, 1996, 731 p. (in Russ.)
11. Vitgenshtejn, L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Research]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics, vol. 16, Linguistic Pragmatics]: Collection of Articles. Moscow, 1985, pp. 79–129. (in Russ.)
12. Krongauz, M.A. Igrovaya model dialoga [Game Model of Dialogue]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya* [Logical Analysis of Language. Models of Action]: Collection of Articles. Moscow: Nauka, 1992, pp. 55–60. (in Russ.)
13. Karpushina, E.E. *Grammaticheskaya, pragmaticheskaya i interakcionalnaya variativnost voprositelnyh konstrukcij* [Grammatical, Pragmatic and Interactive Variability of Interrogative Constructions]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). St. Petersburg, 1992. (in Russ.)
14. Loginov, A.V. *Kategoriya interrogativnosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Interrogativity in the Modern Russian Language]. Michurinsk, 2010, 350 p. (in Russ.)
15. Lindstrem, E.N. *Klassifikaciya russkih voprositelnyh po forme vyskazyvanij na baze pragmaticheski obosnovannoj universalnoj modeli* [Classification of Russian Interrogative Expressions in the Form of Statements Based on a Pragmatically Grounded Universal Model]: PhD Dissertation (Philology). Petrozavodsk, 2003, 189 p. (in Russ.)

Логинов Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, loginov13av@mail.ru

Alexander V. Loginov, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, loginov13av@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2021. Принята к публикации 19.11.2021

The paper was submitted 10.11.2021. Accepted for publication 19.11.2021